

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА
М Е М У А Р Ы

Генрих фон Айнзидель

ДНЕВНИК ПЛЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЛЕТЧИКА

СРАЖАЯСЬ НА СТОРОНЕ ВРАГА

1942–1948

Генрих фон Айнзидель
Дневник пленного немецкого
летчика. Сражаясь на
стороне врага. 1942-1948
Серия «За линией фронта. Мемуары»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3939825

*Дневник пленного немецкого летчика. Сражаясь на стороне врага. 1942
—1948 / Пер. с нем. А.Л. Андреева.: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-9524-5004-2*

Аннотация

В августе 1942 года на подбитом в бою над Сталинградом «Мессершмитте» пилот-истребитель Генрих Айнзидель совершил вынужденную посадку и сразу же был взят в плен советскими летчиками. С этого момента для него началась другая жизнь, в которой ему пришлось решать, на чьей стороне сражаться. И прежде Айнзидель задумывался, куда приведет их страну война с СССР, теперь же у него не оставалось сомнений в том, что Германия стоит на пороге краха. Итогом этих размышлений явилась его активная антифашистская деятельность и участие в создании комитета «Свободная Германия». Граф фон Айнзидель был убежден:

только немедленный мир без Гитлера может спасти его родину от полного разрушения. Книга снабжена картами.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1 Военнопленный	10
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Генрих фон Айнзидель Дневник пленного немецкого летчика. Сражаясь на стороне врага. 1942—1948

Предисловие

В 1947 году, когда меня освободили из лагеря для военнопленных в России, мне пришлось встретиться со многими людьми из всех земель Германии, которые хотели бы, чтобы я поделился своими воспоминаниями о тех событиях. Немцы, французы, американцы, русские, коммунисты и антикоммунисты, преподаватели и рабочие, друзья и враги — все задавали так много вопросов, что я никогда не имел возможности полностью на них ответить. Я рассказываю здесь свою историю, объясняю и комментирую произошедшее так, как понимал в то время.

Я хотел бы изложить факты таким образом, будто веду беседу с людьми, на чье дружеское внимание и справедливый суд я мог бы рассчитывать, даже несмотря на то, что кое-что

здесь совсем не льстит мне или моему читателю. Это оказалось гораздо сложнее, чем я сначала рассчитывал. Так, я был уверен, что рассказал о некоторых вещах максимально откровенно, однако, перечитав конкретный отрывок через несколько дней, понимал, что все здесь нужно менять. Кроме того, я все больше и больше отходил от восприятия окружающего мира с той позиции, которую я выбрал с самого начала: глазами редактора коммунистической газеты Tagliche Rundschau, издаваемой в Восточном Берлине, и члена СЕПГ. Я немедленно прекратил писать, как только наконец полностью осознал, что никогда уже не смогу изложить события с этой точки зрения, проживая здесь, в данном психологическом климате.

И все же попытка что-то написать помогла мне лучше увидеть перспективу и восстановить свои навыки рассуждать, которые за последние годы постепенно размывались. С тех пор, как я посещал антифашистскую школу в Москве летом 1944 года, я пытался достичь невозможного: быть коммунистом, в то же время сохраняя внутреннюю свободу. В те дни в школе в качестве побочного фактора, вызванного чрезвычайными обстоятельствами, в которых мы оказались, или, по крайней мере, испытания, через которое мы должны были пройти, если хотели войти в ряды передовых бойцов революции на равных правах и с соблюдением независимости в оценках, я предпринял попытку преодолеть в себе и в моих товарищах собственную психологическую, моральную и ин-

теллектуальную основу. Я бы ни за что не стал пытаться разрушать то внутреннее сопротивление, если бы уже тогда понимал, что ломка жизненных основ является одним из основополагающих принципов той международной террористической группы, что называет себя коммунистической партией. Я не стал предпринимать бесполезную попытку бунта, но в то же время никогда и не сдавался. Но тогда у меня совсем не было желания заниматься прорицанием, так как понимание вовсе не обязательно несет с собой мгновенный отказ от всего того, с чем связывались надежды. Коммунистическая партия призвана быть одновременно школой, церковью, казармой и семьей для человека, волею случая ставшего мимолетной жертвой бессмысленных, беспощадных и страшных внешних событий. Как недавно заявил один из наиболее известных бывших коммунистов, Игнацио Силоне: «Это тоталитарный институт в полном и чистом смысле этого слова... и он стремится полностью подчинить себе всех, кто встанет под его знамена. В результате настоящий коммунист, который, как по мановению чуда, сохраняет в себе всю естественную силу своей натуры, которую он использует в интересах партии (с самыми добрыми намерениями, поскольку он искренне желает помочь партии), готовит себе жестокую и полную противоречий судьбу неверующего. И еще до того, как он окончательно подчиняет себя этому делу и произносит торжественную клятву, он уже находится в духовных тисках. Та медленная неотвратимость, с которой правоверный ком-

мунист осознает всю глубину своего заблуждения, является очень важным понятием, которое пока еще не было достаточно изучено».

Когда в 1949 году, после разрыва с коммунистами, вернулся к работе над рукописью, я намеревался на собственном примере проиллюстрировать ту эволюции психики, о которой говорил Силоне.

Я не пытался написать историю возникновения и работы Национального комитета «Свободная Германия». Мое отношение к этому по-своему феноменальному институту чрезвычайно субъективно, но надеюсь, что именно по этой причине мой труд мог бы оказать неоценимую помощь беспристрастному историку.

Я никогда не думал о том, чтобы написать книгу, где оправдываю свое поведение в плену. Я отдаю дань искреннего уважения любому из тех, кто убежден, что при сходных обстоятельствах вел бы себя более честно, достойно и правильно, чем я. Голос, который в 1943 году крикнул Ульбрихту на собрании в лагере военнопленных: «Даже если нас останется всего двенадцать миллионов, мы будем продолжать биться до победы!» – можно было бы привести в качестве одного из многих примеров демонстрации (но не доказательства) смелости, но также и того безответственного отношения, которое позволило разрушить Европу и открыть путь в Германию «красному фашизму». Такое поведение меньше всего помогало облегчить участь военноплен-

ных в Советском Союзе.

Для тех, кто пытается найти виновных в той ужасной судьбе, что постигла немецких военнопленных в Советском Союзе, в моей книге также найдется немало интересной информации. И если она поможет людям, готовым с готовностью бросаться обвинениями «предатель» или «приспособленец», хотя бы попытаться честно признать свои собственные прошлые ошибки, то она уже достигла своей цели.

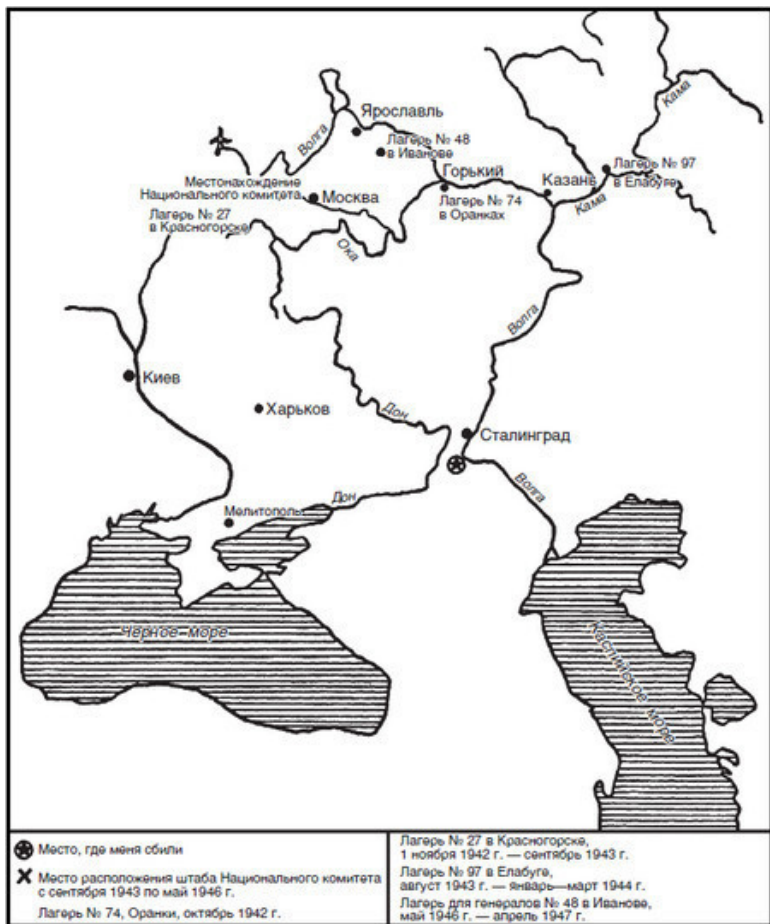
Глава 1 Военнопленный

24 августа 1942 г.

Воды Дона и Волги отражают небо необычно знойного дня. Над степью лежит невесомый туман, и я кружу над всем этим на своем «Мессершмитте-109». Глаза внимательно обшаривают горизонт, который постепенно исчезает в легкой дымке. Небо, степь, реки и море, которое должно быть где-то там, дальше, – все это существует здесь уже веками. На несколько секунд я полностью отдался победному чувству полета, ощутив отравляющий дух свободы, скорости и мощи машины. Но сегодня у меня не было времени на мечты. Внизу подо мной раскинулся Сталинград, и день 24 августа, когда началась та битва (Сталинградская битва началась 17 июля 1942 г. – *Ред.*), был кульминацией нашего летнего наступления.

Далеко внизу, где люди были похожи на построившихся в линии муравьев, я различал батальоны, полки, дивизии, колонны машин и танков: немецкие войска продвигались к Волге, русские танки контратаковали на обоих флангах (14-й танковый корпус немцев прорвался к Волге севернее Сталинграда 23 августа. – *Ред.*). Неожиданно раздав-

шийся в наушниках голос вернул меня в реальность: «Ай-зидель! Над Питомником!» Русские вышли в хвост нашим «Штукам» (пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87», за неубирающиеся шасси с характерными обтекателями получил прозвище (у советских солдат) «лаптежник». — *Ред.*). Два «Мессершмитта», как метеоры, сверкнули в небе и обрушились на землю. Пространство, которое всего мгновение назад казалось бесконечным, вдруг съежилось.

Лагерь военнопленных

С земли повалил густой маслянистый дым. Наши самолеты, как подводные лодки, погрузились на пятачок пространства площадью всего несколько квадратных километров, где кипел яростный бой между русскими и немцами.

Вчера (23 августа), когда немецкие воздушные эскадры обрушили свой первый дневной массированный удар на Сталинград, над городом не было ни одного русского самолета. В районе Сталинграда русские могли выставить до двадцати своих истребителей на каждую немецкую машину, и все-таки город оставался беззащитным перед разрушением с воздуха. (Автор неточен. 23 августа во второй половине дня несколько сот немецких самолетов произвели до наступления темноты 2 тысячи самолето-вылетов, разрушая город и устрашая население. Погибло около 40 тыс. чел. гражданского населения. Налеты отражали 105 советских истребителей. В воздушных боях и огнем зениток было сбито, по советским данным, 120 вражеских самолетов. Общее же число самолетов Красной армии в районе Сталинграда было вдвое меньшим, чем у немцев. — *Ред.*) Но теперь русское командование поняло, что происходит. Немецкое наступление началось в ранние утренние часы. И ни удары масс советских танков (немцы в разы превосходили советские войска. — *Ред.*) с севера, ни отчаянные танковые же вылазки неподготовленных, плохо управляемых рабочих полков из самого Сталинграда не могли его остановить. В этот момент Советы бросили в бой все имеющиеся у них боевые самолеты, и разгорелось

воздушное сражение, по накалу с которым могли бы сравниться разве что бои на Западе, над Ла-Маншем. Каждая немецкая «Штука», каждый боевой самолет были окружены целым роем русских истребителей, которые сгрудились в тесном строю за собственными советскими штурмовиками.

Мы попали в ту суматошную схватку как нельзя вовремя. На пути мне попался русский истребитель «Рата» («Крыса» – так немцы называли еще в ходе боев в Испании истребитель И-16, в 1941–1942 гг. устаревший и тихоходный (470 км/ч) против 560 км/ч у Me-109E и 630 км/ч у Me-109F. – *Ред.*) с двумя звездами на крыльях. Русский летчик увидел меня, ушел в переднее пикирование и попытался выйти из боя, пройдя на низкой высоте. Похоже, что им овладел страх. Он летел на высоте двух метров над поверхностью земли по прямой линии и даже не думал защищаться. Моя машина дрогнула от отдачи после пулеметной очереди. Из бензобака русского истребителя взвился столб дыма; через несколько мгновений машина взорвалась и перевернулась на земле. За ней потянулся длинный след выжженной огнем степи.

Я развернулся и полетел обратно к Сталинграду. Вдруг я увидел, как в нескольких сотнях метрах левее русские штурмовики атакуют с низкой высоты немецкие танки. В 400 или 500 метрах за ними следовали истребители сопровождения. То, что я сделал, увидев все это, было чистым безумием:

я спикировал под самым носом у вражеских истребителей, произведя тем самым обмен высоты на скорость. Меня подстегивал азарт, я совершенно не боялся. По крутой траектории я пристроился в хвост Ил-2. Передо мной мелькнул силуэт русского самолета. Первые разрывы моих же попаданиях ослепили меня: из двигателя моего противника брызнуло горячее масло, которое тонкой струйкой потекло от одного края моей машины к другому. Теперь мне ничего не было видно из кабины. Я попытался промыть стекло омывателем. То слабое мерцание, которого я смог в результате добиться, позволило мне пролететь над немецким танком и отвернуть от горящего Ил-2. Но мне пришлось отвлечь внимание на две-три секунды, и, когда я снова посмотрел в сторону русских истребителей, я увидел, как в каких-то 100 метрах позади меня их пушки выплевывают в мою сторону языки пламени. Что-то громко взорвалось, а потом я почувствовал тупой удар в ногу. Я вцепился в ручку управления своего «Мессершмитта» и заставил его резко взмыть вверх. Русский был потрясен таким маневром. Я снова ринулся в атаку, до русского снова было 90, 80, 60, 40 метров, но мои пушки молчали. Русский вывел из строя электрооборудование на моем самолете. Я повернул на запад и стал тянуть к Дону, к линии наступающих немецких войск. Линия фронта? Я увидел перед собой лишь широкую песчаную полосу над вытоптанной степной травой. Впереди не было никаких признаков присутствия человека. Но ведь здесь обязательно должны были

пройти колонны снабжения наших войск. Вдруг по моему самолету заработал пулемет.

Рядом, на пулеметной позиции, суетились фигурки в коричневом. Все теперь было понятно: немецкие танки еще не успели выйти к Волге или их просто отбросили оттуда. (Уже упоминалось выше: немцы (14-й танковый корпус) вышли к Волге 23 августа севернее Сталинграда. – *Ред.*)

В моей палатке на краю летного поля доктор вынул из моего тела добрый десяток осколков разрывных пуль. Продолжая неторопливо работать, он одновременно выслушивал мой рассказ.

– Да, – кивнул он, – наши танки оттеснили от Волги; это были просто тыловые колонны, которые сопровождали несколько танков. Я покажу тебе схему того боя, там же есть последние данные о положении на фронте. На юге практически ничего не изменилось. Мы пока не взяли высоты Сарепта. До Волги по-прежнему остается примерно сорок километров.

– А как идут дела на Кавказе?

– Там тоже мы практически не смогли продвинуться. Русские стали сопротивляться гораздо отчаяннее, чем раньше. Части люфтваффе также получили усиление.

– Похоже, на этот раз зима для русских начнется в августе!

– Не торопись! – улыбнулся доктор. – Одна из наших ударных армий уже отправилась на Ленинград (имеется в виду

11-я армия фельдмаршала Манштейна, которая после взятия Севастополя, отдыха и пополнения (потери были тяжелыми) была отправлена под Ленинград. – *Ред.*). После взятия Сталинграда и Баку придет очередь Ленинграда. Мы отправляем туда весь 8-й воздушный корпус.

– И что, передовые части уже ушли?

– Что ты хочешь сказать этим «уже»?

– Ну, я думаю, что до весны еще много времени, а до этого, скорее всего, у нас не будет шансов.

Доктор разозлился:

– Не начинай все это снова! Ради бога, ну почему ты такой пессимист?

Он отложил в сторону ножницы и пинцет и постучал пальцем мне в грудь.

– Парень, счет в этой войне один – ноль в нашу пользу. Мы не можем проиграть, в самом худшем случае это будет ничья.

– Ты имеешь в виду ничью с точки зрения постороннего арбитра? Как это тебе удалось рассчитать? Или тебе прислали весточку из Владивостока с танковой колонной?

– Остановись. Ты устал. Прежде всего, я запрещаю тебе летать в течение недели. После того как с тобой и твоей машиной все будет в порядке, мы поговорим. А сейчас тебе нужен хороший сон!

28 августа 1942 г.

Сегодня я снова летал. Моя нога все еще в повязке, но она уже не болит. Дело шло к вечеру, и, когда мы на высоте примерно пять с половиной километров летели над Доном в районе Калача по направлению к Сталинграду, солнце светило нам в спину. В 60 метрах от меня вел свою машину молоденький унтер-офицер. Он только сегодня утром прибыл из Германии, и его глаза ярко горели энтузиазмом, когда ему в тот же день позволили совершить свой первый полет над территорией противника. Примерно на полпути к цели навстречу нам устремился русский истребитель, который летел на несколько сот метров выше нас. Он снизился позади нас и бросился в атаку. Мне редко приходилось видеть, чтобы русские истребители сами первыми атаковали нас. Тем более необычным было то, что это сделал один-единственный самолет. Пока мы круто поднимались вверх, чтобы занять позицию для атаки между противником и солнцем, я оглядывался вокруг в поисках его товарищей, но никого так и не увидел. Судя по тому, как бедняга неуклюже на медленной скорости стал карабкаться за нами, набирая высоту, у него совсем не было боевого опыта.

– Подожди-подожди, – пробормотал я про себя, – через несколько секунд ты уже зависнешь на своем парашюте, да и то только в том случае, если тебе повезет.

На таких высотах мы намного превосходили русских как в скорости, так и в маневре на вертикалях.

Но, как оказалось, я совсем недооценил того пилота. Этот парень, которому удалось ускользнуть после всех моих атак с помощью ни с чем не сравнимых акробатических приемов, который дважды или даже трижды умудрялся заходить мне прямо в лоб, так что нам приходилось молнией проскакивать друг мимо друга на расстоянии вытянутой руки и на скорости тысячи километров в час, явно был не новичком, а тертым калачом, который использовал свои знания и опыт с чувством спокойного превосходства.

В течение нескольких минут мы кружили друг около друга безрезультатно. Перехватив ручку управления обеими руками, я старался заставить свой «Мессершмитт» делать все более узкие круги, повторяя фигуры русского, который тот выписывал без всякого труда. Вновь и вновь под влиянием перегрузки кровь отливала у меня от головы, и я на мгновение терял сознание. И вот наконец я поймал его. Русский сделал отрыв слишком поздно и на мгновение оказался на линии моего прицела, всего в 20 метрах впереди меня. Зажигательные пули прошли его машину, и его самолет, перевернувшись вокруг своей оси, стал падать. Но русский снова обманывал меня. Снизившись на три километра, он попытался уйти на низкой высоте в сторону Сталинграда. Мы настигли его на скорости 600 километров в час и открыли по нему плотный огонь из наших пушек. Я предоставил возможность

атаковать своему подчиненному унтер-офицеру. Он бросился на русского, как гончая на добычу, но промахнулся мимо самолета противника, который пытался уйти по широкой дуге, и вдруг оказался прямо перед носом кабины вражеской машины. Русский мгновенно увидел свой шанс. Он бросился за моим напарником, выстрелил и тут же сам стал жертвой моей последней внезапно оборвавшейся очереди. Его самолет будто притормозил в воздухе, упал, ударился о землю и взорвался.

Это был мой четвертый бой в тот день, который продолжался примерно десять минут. Я чувствовал резь в глазах, голова болела, ворот рубашки врезался в шею. С меня было довольно, я хотел домой. Но только теперь я вдруг заметил, почему русский решил пожертвовать собой. Примерно тридцать вражеских бомбардировщиков и шестьдесят истребителей уже находились в небе над Калачом; они собирались атаковать нашу базу. До нее им оставалось не более десяти минут полета. Когда мы вылетали с аэродрома базирования, на нем ровными рядами в тесном порядке выстроились примерно сорок самолетов Ju-52 («Юнкерс-52»), львиная доля нашей транспортной авиации, снабжавшей армию в районе Сталинграда. Достаточно было одной бомбе попасть между ними, и несколько наших дивизий лишатся средств тыловой поддержки. Где-то в течение четырех-пяти минут я выжимал из своей машины все, что мог, чтобы вклиниться в русский строй. Я немедленно отправлял по радио сигналы тре-

воги: «Внимание! Массированная атака на Тусов, массированная атака на Тусов! Всем самолетам покинуть аэродром!» Мне было уже видно, как, поднимая над Доном клубы пыли, взмывают в воздух «Мессершмитты». Мы бросились в самую гущу строя русских истребителей.

Бой тридцати немцев против девяноста русских продолжался примерно двадцать минут. Без боеприпасов я мало чем мог помочь своим товарищам, поэтому взял на себя задачу присматривать за новичком. Наконец русских оттеснили назад. Их бомбы упали где-то вдалеке, на полях. Потери русских были ужасны. Повсюду внизу полыхали обломки сбитых машин, а в небе висели парашюты с пытавшимися спастись пилотами. Наши «Мессершмитты» беспорядочно кружили в небе, ожидая своей очереди на посадку на базе.

Летчики собрались на КП эскадры и принялись обсуждать только что закончившийся бой. Тридцать пилотов с худыми загорелыми, напряженными лицами и развевающимися на ветру волосами стояли перед командиром, Принцем, как мы его звали между собой. Черты его лица на самом деле чем-то напоминали лица статуй средневековых принцев, которые часто можно видеть в соборах на Западе Европы. Сама группа представляла собой живописную картину на фоне кровавых отблесков заходящего солнца. Один был одет в кожу с ног до головы, как траппер на Диком Западе, другой – в меховых брюках и унтах, третий – с цветным шарфом и в вышитой украинской шапке. На первый взгляд все эти люди

смотрелись несколько распушенными. Но это только если не замечать упоения недавним боем на их мальчишеских лицах и не знать, что этой пестрой компании только что удалось совершить.

Нам точно удалось сбить сорок вражеских машин, и ни одному Ил-2 не довелось возвратиться на свой аэродром. Я попытался представить себе ту же картину среди русских. Часто ли у них случается так, что из боя не возвращается целая эскадра? И все же их с каждым днем становится все больше, и летают они все лучше. Как им это удастся с таким уровнем потерь — для меня до сих пор остается загадкой. Еще большей тайной это кажется после того, как ты увидишь пленных русских пилотов, у которых, как правило, бывают тупые примитивные лица. Как писал в своей книге Геббельс, «русские слишком тупы, чтобы бежать с поля боя». Все мы, фронтовики, воспринимали эту фразу как оскорбление. Но откуда эта страна берет силу, которая растет с каждым днем войны, я так и не мог понять. Все это похоже на сказку о суровом гиганте-герое, который черпает свою непобедимую мощь у самой земли.

Вечером наш старый командир эскадры Лютцов нас покинул. Его назначили командующим силами истребительной авиации на Восточном фронте. Всего несколько недель назад я летел вслед за ним на истребителе-бомбардировщике во время атаки с малой высоты аэродрома города Липецка,

севернее Воронежа. После приземления я спросил у него:

– Не кажется ли вам странной манера таким образом отплатить за гостеприимство?

Он был здесь, в Липецке, в те времена, когда летчики рейхсвера тренировались в Советском Союзе. Именно там многие наши старейшие прославленные летчики-истребители учились летать. Лютцов тогда лишь пожал плечами и ничего не ответил.

К тому времени наше наступление на Воронеж неожиданно было свернуто (остановлено контрударами Красной армии. – *Ред.*), и все силы были перенацелены на Кавказ. Лютцов называл это еще одной блестящей идеей нашего фюрера. Но когда нам вдруг поступил приказ вновь развернуться, на этот раз на Сталинград, и нашу сухопутную группировку поспешно разделили на три части (видимо, все же на две части: 9 июля группа армий «Юг» была преобразована в группу армий «А», наступавшую на Кавказ, и группу армий «Б», наступавшую на Сталинград. – *Ред.*), он перестал отзываться о тех решениях как о продиктованных озарением гения. И вот теперь четверть из нас должны отправиться к Ленинграду. В прощальной речи Лютцова зазвучали уже совсем другие нотки:

– Господа, полеты для развлечения, состязания в том, кто собьет больше вражеских самолетов, необходимо прекратить. Положение Германии со всех точек зрения сейчас можно назвать критическим, а состояние наших военно-воз-

душных сил просто катастрофическое. На будущий год можно ожидать мощнейших воздушных ударов с Запада. А там у нас всего две истребительные эскадры. Каждая машина, каждая капля горючего, каждый летный час представляют собой огромную ценность. То, как неосмотрительно мы ведем себя на земле, является безответственным, а в воздухе – безответственным вдвойне. Каждый выстрел при отсутствии достойных целей в небе следует направить на то, чтобы помочь нашей пехоте. Каждый имеющийся у нас бомбардировщик следует использовать постоянно и с максимальной эффективностью.

Впервые наш командир не повторял нам с готовностью то, о чем заранее трубила официальная пропаганда. Он был прав, говоря о наших полетах для развлечения, рассказывая об общем положении. Но никто не был готов понять его. Офицеры ворчали:

– Атаки на позиции русских на малых высотах? Да он сумасшедший! Одно попадание в двигатель – и можно считать, что русские изжарили тебя живьем. Легко ему говорить все это теперь, когда сам он больше не летает! Он разглагольствует о незаменимости наших машин, об ударах по территории Германии и в то же время готов с легкостью пожертвовать нами, лишь бы поднять моральный дух пехотинцев. Нужно прекратить гоняться сразу за пятью зайцами, если у нас недостаточно войск.

Конечно, и в этих аргументах была своя правда. Удары

по целям с малых высот, если они не носят массированного характера, несут в себе несоизмеримый с результатами риск. Но является ли это оправданием для того, чтобы возвращаться на базу с нетронутым боекомплектom, если ты не сумел найти цели в воздухе. Я давно уже взял за практику в таких случаях атаковать транспортные средства в тылу у русских. Помимо прочего, это дает неоценимый опыт стрельбы по цели для новичков. Но в целом проблема оказалась неразрешимой. Мы действительно гонялись сразу за пятью зайцами: Сталинград, Ленинград, Баку, Эль-Аламейн и задачи ПВО на Западе. (Первые три «зайца» надо считать одним, но «очень большим» – на советско-германском фронте в 1942 г. сражалась подавляющая часть боевой авиации Германии, например, на 1 мая 1942 г. 2815 боевых самолетов (с союзниками Германии 3395). В то же время в Северной Африке в мае 1942 г. было 260 немецких и 340 итальянских самолетов (а также 210 немецких самолетов в Греции, в том числе на о. Крит, и на Сицилии 115 немецких самолетов. – *Ред.*) Но Лютцов, по крайней мере, попытался рассеять туман иллюзий, застилавший в то время головы большинства из нас.

30 августа 1942 г.

Майор Эвальд, командир моей эскадрильи и старший в нашей группе, подал сигнал к старту. Две машины, похожие

на газелей, побежали по взлетной полосе. Сделав по длинному пружинистому прыжку, они оторвались от земли и понеслись в небо. Под крыльями моего «Мессершмитта» далеко торчат стволы двух новейших пушек. Интересно, на что они способны.

Мы летели в сторону Дона. Севернее, на левом фланге 6-й армии, русские предпринимали отчаянные атаки. Однако при этом им очень не хватало тактической мобильности. Перед тонкими линиями обороны немецких войск, подобно скошенной траве, падали один за другим полки противника. Войска русских, похоже, были полностью деморализованы. Допросы бесчисленных дезертиров рисовали жуткую картину того, в каком состоянии пребывала Красная армия. (В июле – августе Красная армия, ведя тяжелые бои, сковала и блокировала наступательные действия врага. К северу от Сталинграда в конце августа были захвачены плацдармы на южном (правом) берегу Дона, позже сыгравшие решающую роль в операции на окружение немцев под Сталинградом в конце ноября. Про «бесчисленных дезертиров» нашему летчику, видимо, рассказали нацистские политработники. В плен попадало сравнительно немного, защитники города сражались действительно насмерть – есть масса свидетельств не летчиков, а германских танкистов и пехотинцев, которые несли в наземных боях огромные потери. – *Ред.*) Были созданы целые штрафные дивизии (этого не было. Были штрафные батальоны. – *Ред.*), которые, как говорилось в за-

хваченном нами приказе, копировали немецкие штрафные батальоны, и это было сделано по прямому приказу Сталина. Тот приказ, объяснявший необходимость принятия таких мер, звучал примерно так:

«Многие миллионы наших братьев и сестер уже испытывают страдания под германским игом. Жизненно важные для нас территории нашего Отечества попали в руки немецко-фашистских захватчиков. Дальнейшее отступление может опасно истощить силы нашей любимой матери-Родины. Поэтому нам необходимо отказаться от преступной мысли, что самый надежный путь к истреблению врага состоит в том, чтобы заманивать его дальше и дальше в глубь нашей страны и отступать до Урала. Такая позиция является малодушной и преступной, она характерна для трусов и паникеров. Враг не так силен! Товарищи, время отступлений прошло! Не отдадим ни пяди родной земли врагу! Тот, кто думает об отступлении, – предатель. Смерть немецким захватчикам!» (Приказ № 227 Главного политического управления РККА 29 июля 1942 г. (под лозунгом «Ни шагу назад!»)) звучал по-другому: «Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят

любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа...

После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, намного меньше и людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 800 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо, если не прекратим отступление, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончать отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови, защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его

до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев, – это значит обеспечить за нами победу...

...Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования...». – *Ред.*)

Вместе с захваченным документом, который предполагалось зачитывать перед войсками как свидетельство неминуемой катастрофы Советского Союза (?! – *Ред.*), мы получили приказ перерезать коммуникации между Сталинградом и Калачом, на территории, простиравшейся между северным и южным флангами клещей, которые нацелились и уже успели охватить Сталинград. С этой целью, как сказал наш командир, в район Сталинграда отовсюду должны были подтянуть все имевшиеся в нашем распоряжении танки и бронетранспортеры, примерно семьдесят машин.

– Наверное, сто семьдесят или семьсот? – попытался я поправить его, решив, что он ошибся в цифре.

– Не перебивайте! – оборвал он меня. – Я умею читать!

– Я прошу великодушно простить меня, командир, – ответил я, – но я не могу представить, что сейчас, в самый на-

пряженный момент всей кампании этого года, на пике операции под Сталинградом и на Волге, в нашем распоряжении имеется всего семьдесят танков и бронетранспортеров. Вероятно, что-то перепутали связисты, когда передавали этот документ. (Автор действительно что-то напутал. 23 августа с плацдарма на восточном (левом) берегу Дона нанесли удар 250–300 немецких танков. Основная их часть прорвалась к Волге севернее Сталинграда, меньшая часть поддерживала 51-й армейский корпус, действительно перерезавший пути от Калача-на-Дону к Сталинграду. Видимо, это и есть «70 танков» автора. А были еще танки 4-й танковой армии, наносившей в конце августа удар по Сталинграду с юга. – *Ред.*)

Но после наведения дополнительных справок подтвердилось, что цифра была правильной. В конце июня 1942 года немецкие танковые дивизии получили приказ идти в наступление при значительном некомплекте боеготовых танков. К тому же те огромные переходы, которые пришлось совершать немецким войскам, преследовавшим поспешно отступавшего противника, и, что еще более усугубило положение, поспешно принимаемые Гитлером решения о переброске соединений сначала из-под Воронежа в нижнее течение Дона, а затем снова к большой излучине Дона, сильно ослабили наши танковые войска. Помимо всего прочего, нам не хватало воздушных фильтров для танков и самолетов. Эти детали очень быстро выходили из строя в условиях песчаной местности в степях и пустыне. Все выпускаемые нашей про-

мышленностью фильтры отправлялись в район Эль-Аламейна. Как результат количество выхода двигателей из строя достигло катастрофических величин.

Для истребительной авиации это означало, что из сорока двух машин нашей авиагруппы в состоянии боеготовности редко было больше десяти самолетов. Истребительная авиация Германии вступила в войну, имея в своем составе всего семь авиаэскадр неполного состава. И даже сейчас она насчитывала чуть больше чем одиннадцать полностью укомплектованных эскадр. Штатная численность эскадры составляла 132 самолета, а это означало, что территорию Германии на Европейском театре с его протяженностью несколько тысяч километров прикрывали в лучшем случае пять сотен истребителей. В то же время, по данным авиационной разведки, весной 1942 года только на южном побережье Англии противник сосредоточил более 2 тысяч истребителей.

Итак, мы летели над Сталинградом. Громкие крики в моих наушниках говорили о том, что где-то неподалеку снова идет воздушный бой. Я внимательно изучал обстановку вокруг. Флаги со свастикой, оставшиеся позади внизу, свидетельствовали о том, что мы успели перелететь через фронт. Русские аэродромы были совсем рядом, всего в 15–20 километрах, за другим берегом Волги. И вот русские пилоты мчатся сквозь облака прямо на нас. Один из них, казалось, потерял своих товарищей, и его самолет оказался прямо перед нами. Майору Эвальду оставалось лишь слегка довер-

нуть машину, чтобы выбрать более удобную для стрельбы позицию. Он выстрелил, и белый след, потянувшийся за самолетом русского, ясно показал, что машина получила попадание в двигатель. Но Эвальд уже был далеко от ЛаГГа, поэтому мне пришлось, в свою очередь, тоже доворачивать машину, чтобы завершить его работу выстрелами трех своих пушек. Майор вопил по радио: «Оставь его, я сам займусь им!» – «Прошу вас, майор!» – ответил я, и это прозвучало иронично, так как обычно в бою мы не называли друг друга по званию. Но майор уже не в первый раз пытался так шутить со мной и не впервые опаздывал. Прежде чем его самолет снова вышел на позицию для открытия огня, русский успел приземлиться на брюхо, а облачка разрывов зенитных снарядов вокруг нас говорили о том, что он выбрал неплохое место для посадки. Но у майора Эвальда, видно, было другое мнение на этот счет: «Айнзидель, у тебя три пушки, постарайся зажечь его!» Аварийная посадка вражеского ЛаГГа на брюхо на собственной территории не позволяла майору увеличить свой личный счет, если только машину не удастся уничтожить на земле. Даже без его приказа я уже собирался атаковать приземлившийся русский самолет. Но, раздосадованный тем, что меня вынуждают совершить столь нежелательный эксперимент за 70 километров от фронта, я не удержался и спросил: «А почему бы вам не попробовать сделать это самому, командир?»

Потом я выстрелил. Под огнем моих пушек ЛаГГ на зем-

ле загорелся и развалился на части. Я снова потянул на себя ручку набора высоты. К югу от Сталинграда, там, где Волга делает резкую петлю на юго-восток, с воем летели похожие на рой раздраженных пчел двадцать или тридцать советских истребителей «Рата» и даже самолеты еще более устаревших моделей. Мы так и не смогли обнаружить, что же они защищают там, внизу, на земле, поскольку русские были признанными мастерами камуфляжа. Поэтому для нас не было никакого смысла атаковать этих беспокойных насекомых. Они летели слишком низко под прикрытием огня легких зенитных орудий, к тому же были слишком юркими для наших скоростных машин. Степень риска намного превышала возможную выгоду. Но поскольку мы не нашли других противников в небе, то все же нам пришлось несколько раз атаковать тот рой внизу.

Русские летели даже ниже, чем я думал, на уровне скалистого берега Волги, пикировали и делали петли вокруг нас. Потом они развернулись и направили свои самолеты нам прямо в лоб. Перед нами тут же засверкали огоньки пулеметных очередей, и мы чуть не столкнулись с моим противником. После очередной такой дуэли я направил свой «Мессершмитт» вслед за одной из «Рат», из покрытых тканью крыльев которой мои выстрелы уже выбили довольно крупные куски. И тут я вдруг почувствовал запах какой-то гари, исходивший со стороны винта. С правой стороны радиатора охлаждения потянулась струйка жидкости. Видно, его по-

вредил попавший туда снаряд. Я потянулся туда, где должен был находиться выключатель, но на моей машине старой модификации его не было предусмотрено. В полете на высоте примерно 600 метров я едва сумел преодолеть высоту Сарепта. Из двигателя хлестали горячее масло и дым, поршни стучали все сильнее, и вот, наконец, громко лязгнув, винт машины застопорился.

Я попытался дотянуть до линии фронта. Мимо одна за другой пролетали миниатюрные машинки русских. Их выстрелы, как горох по крыше, застучали по стальному хвосту моего самолета. Я наклонил голову и терзал рукоятку управления, пытаюсь уйти с линии огня. Каждое такое движение означало очередную потерю высоты. Вот по крыльям ударили зенитные снаряды. Отвалилась левая пушка. Машина падала. Ценой невероятных усилий мне в последний раз удалось выправить самолет и даже набрать немного высоты, но потом он вдруг ударился о землю, подпрыгнул на мгновение, а затем окончательно рухнул вниз, покатился по земле и, наконец, замер в ужасающей тишине.

Я дважды ударился головой о приборную панель. Полуоглушенный, я все же сумел сдвинуть назад фонарь кабины, который плотно заклинило, и спрыгнул на землю. Примерно в 40 метрах от меня лежали разбросанные в форме подковы останки русского самолета. С запада, в сторону заходившего солнца, через степь перемещалась какая-то часть в плотном

строю, очевидно пехотная. Со стороны русского запасного аэродрома, на краю которого я умудрился совершить посадку, в меня начали стрелять. Потом показались солдаты, которые быстро бежали в мою сторону. Я поднял руки.

Это был тот самый решающий момент, который мы часто и очень ясно рисуем себе в воображении и которого так боимся.

С поднятыми руками я дожидался русских. Мой взгляд был прикован к западу, туда, где солнце приближалось к горизонту. Там всего в пятнадцати минутах полета на родном аэродроме меня ждали товарищи. Но теперь все это осталось позади. Я остался один, и неизвестно, что ожидало меня впереди. Я посмотрел вниз на свою кожаную летную куртку, испачканную маслом, стоптанные сапоги и пилотские перчатки. Наконец мне удалось расстегнуть ремень с кобурой пистолета, и я вручил его первому же подошедшему русскому. Потом я снова поднял руки. Не говоря ни слова, русский опустошил мои карманы: носовой платок, сигареты, бумажник, перчатки, – похоже, ему пригодится все это. В это время к нам подъехала машина, из которой выбрался офицер в летных меховых унтах. Он протянул в мою сторону рукой.

– Товарищ, – произнес офицер с раскатистым «р» и добавил еще несколько слов.

Мне наконец позволили опустить руки. Испытывая чувство глубокого облегчения, я пожал протянутую руку.

Взглядом специалиста он посмотрел на мой самолет, ко-

торый одиноко стоял на песке, с погнутыми крыльями, помятым фюзеляжем и переплетенными лопастями пропеллера. Когда он увидел маленькие белые полосы на фюзеляже, советские кокарды и красные звезды, то издал возглас удивления. Летчик быстро пересчитал все эти символы: десять, двадцать, тридцать, тридцать пять, потом медленно кивнул и, показав на пальцах число «двадцать два», ткнул себя в золотую звезду на груди и что-то сказал по-русски. Я сначала не понял его слов, но он повторил:

– Я – Герой Советского Союза!

Я тогда не понял, что это название государственной награды, которую выдавали за особые заслуги, и лишь с трудом сумел удержаться от улыбки. Но он, похоже, принял это как знак признания и гордо и с удовольствием засмеялся.

В это время сюда же подкатил грузовик, кузов которого был полон русскими летчиками. Со сжатыми кулаками они посыпались оттуда и бросились в мою сторону. Один из них, великан, спрыгнув на землю, попытался отправить меня в нокаут ударом, который, наверное, мог стоять мне нескольких зубов. Но я сумел уклониться, и парень под воздействием ускорения, которое сам же себе и придал, перелетел через меня и упал прямо на руки Героя, который ухватил его за лацканы мундира, подтолкнул в сторону и сделал внушение в выражениях, что, должно быть, часто использовались в прусских казармах.

Мне пришлось выдержать еще несколько ударов и тычков,

прежде чем возбуждение вновь прибывших несколько улеглось и их интересы сместились в сторону «профессиональных» материй. Почему я совершил вынужденную посадку? Сколько самолетов я сбил? Какими наградами я был отмечен? Женат ли я и где мой дом? Все эти вопросы задавали на ломаном немецком языке с удивленными смешками и детским любопытством. Наконец, командир группы отдал приказ всем расходиться, и меня отвели на командный пункт, расположенный на краю аэродрома. Здесь в землянке, в которую вели двадцать три ступени, начался первый допрос.

– Имя и звание? – Командир с Золотой Звездой Героя СССР сам задал первый вопрос.

Я заколебался. Мой китель остался в штабе, а на кожаной куртке не было знаков различия, ничего такого, что помогло бы установить мою личность. Я подумал, не будет ли лучше, если я попытаюсь утаить свое звание и титул. Но должно быть, из чувства упрямства и гордости я сказал ему правду. Я сказал, что девичьей фамилией моей матери была Бисмарк – графиня Бисмарк.

Офицер подпрыгнул и вскричал:

– Бисмарк! Бисмарк! Рейхсканцлер! Вы что, сын того Бисмарка?

Я терпеливо объяснил, что являюсь всего лишь правнуком. Офицер вышел в соседнее помещение, и я слышал, как он разговаривает с кем-то по телефону, повторяя слово «Бисмарк». Затем наступила пауза, и я стал ждать развития

событий. На скамейке напротив меня развалился летчик, который смотрел на меня, не отрывая взгляда. Потом он вдруг вскочил, схватил мою левую руку и поднес ее к своему лицу, будто собирался поцеловать. Его внимание привлекло кольцо-печатка. Он быстро стянул кольцо с моей руки и положил себе в карман брюк, где уже лежали мои наручные часы. Сделав угрожающий жест, он приказал мне не упоминать об этом небольшом инциденте и вышел вон.

После допроса меня сразу же увезли с аэродрома. С крепко связанными руками меня посадили в машину. Всю дорогу рядом со мной сидел офицер с пистолетом в руке. Мне удалось осторожно сдвинуть повязку, которой мне завязали глаза. Машина двигалась по степи вдоль берега Волги, потом мы въехали на пыльные улицы Сталинграда. Улицы города были пустынные, дымились черным дымом разрушенные здания. Через пустые провалы домов, где когда-то были окна, издалека были видны багровые отблески пламени. На зеленом островке земли между развалинами огромных бетонных зданий лежал казавшийся невредимым немецкий «Хейнкель-111». Я увидел на фюзеляже фигурку льва, эмблему моей эскадры, и подумал о судьбе своих товарищей.

* * *

В углу мрачного кабинета меня поставили лицом к стене,

где мне пришлось простоять несколько часов. Один из русских подвинул мне стул и предложил присесть, но его collega тут же сбил меня с сиденья ударом кулака. Той же ночью меня допрашивали снова. Дом содрогался от рвущихся неподалеку авиабомб. Потом меня вывели на улицу, где стоял грузовик, около которого ждали несколько солдат.

– Ты офицер, и я офицер! Значит, мы товарищи! – проговорил один из них и похлопал меня по плечу. Явственный запах водки от него выдавал его состояние.

Та ночная поездка по улицам Сталинграда казалась мне бесконечной, в особенности после того, как русские стали совать мне под ребра свои автоматы, и на каждом ухабе со страхом ожидал случайной очереди. Так с охраной по бокам я ехал по темным переулкам. Следующее, что мне запомнилось, была железная койка с ячеистым матрасом в подвале большого жилого дома. Передо мной сидел все тот же офицер, от которого пахло водкой. По краям кровати рядом со мной расселись солдаты с узкими глазами монголов и казахов. Русские вели себя довольно дружелюбно. Двое из них могли объясняться на ломаном немецком. И вновь мне пришлось отвечать на бесчисленные вопросы о своей личной жизни и о Германии. Наши противники думали о нас примерно так же, как и мы о них. Постепенно разговор начал смещаться в сторону политических вопросов.

– Почему вы напали на нас? Что мы вам сделали? Что вам нужно в Сталинграде?

«Если бы я сам это знал», – подумал я про себя и ничего не ответил. Русские выдержали паузу, а затем снова стали задавать те же вопросы. Я понял, что уклониться от ответа не удастся.

– Мы, немцы, ничего не имеем против русских, – начал я осторожно. – В Германии никогда не испытывали вражды по отношению к России. Против Франции – да, наверное, и, возможно, против Англии, за прошлую войну, но никогда не против России.

– Но почему же тогда вы напали на нас и уничтожаете все вокруг?

От этого вопроса уйти не удалось.

– Я считаю, что то, что мы воюем друг с другом, – это катастрофа как для Германии, так и для России. Такая война может быть выгодна только англичанам и американцам. Это они своими маневрами подтолкнули Германию к этой авантюре.

Я высказался так только для того, чтобы разрядить обстановку. В конце концов, я не хотел говорить этим людям в лицо, что мы пришли, чтобы отнять у них землю и превратить в свою колонию. А им вряд ли понравилось бы, услышь они выражение «крестовый поход против большевизма».

Мои слова произвели поразительное впечатление. Я и не думал, что мне удастся попасть в тон тому, что вот уже несколько лет внушала людям официальная советская пропаганда.

Все эти русские были невысокого мнения об англичанах, в основном из-за задержки теми открытия второго фронта. Они кивали в знак согласия. На какое-то время я позабыл о положении, в котором находился.

Русский офицер первым нарушил сложившуюся атмосферу мира и согласия. Он явно хотел разрушить то благоприятное впечатление, которое сложилось у его подчиненных от моих слов, и не позволить им попасть во власть симпатий к «фашисту».

– Гитлер – капиталист, – пробубнил он монотонным голосом.

Его слова упали, как камень в спокойную воду. Все снова стали смотреть в мою сторону с выражением враждебного ожидания на лицах. Офицер наклонился ко мне, обдавая меня запахом водки:

– Ты должен сам сказать нам, каков ваш Гитлер! – Он держал меня за одежду и медленно раскачивал взад-вперед.

Я попытался улыбнуться и притвориться невозмутимым. Пусть уж они считают Гитлера капиталистом, если им так уж это нужно. Я злился, что мне предъявляют счет еще и за это.

– О! Гитлер! – заметил я миролюбивым тоном. – Может, он и капиталист, я не знаю, но, по-моему, это не так.

В комнате поднялся шум. Я получил удар кулаком, от которого опрокинулся на кровать. Офицер поднял пистолет (я отстраненно отметил, что от него пахнет немецкой смазкой) и с искаженным от ярости лицом направил его на меня.

Я закрыл глаза. Это конец, подумал я. Я не успел даже толком испугаться. Но комната вдруг опустела. Только в дверях остался солдат маленького роста монгольской внешности, с винтовкой с примкнутым штыком, которая была раза в два длиннее его роста. (Длина винтовки Мосина образца 1891/1930 г. без штыка 123 см, со штыком 166 см. – *Ред.*) Вид часового заставил меня улыбнуться. Я зашелся в приступе истерического, со слезами, хохота.

Я был не в силах остановиться до тех пор, пока часовой не направил мне в грудь штык и не приказал замолчать. На меня, подобно свинцовой плите, обрушилось чувство отчаянного одиночества и безнадежности. Мне представилось, как мои товарищи стоят на аэродроме и разговаривают обо мне. Видел ли майор, как я совершил вынужденную посадку? Знает ли он, что я остался жив? Что он расскажет моим родителям? Меня вновь охватил страх. Что будет с моей матерью, когда она узнает, что ее сын пропал без вести? Разумеется, все мои домашние будут думать, что русские замучили меня до смерти. Если бы я только мог послать им весточку надежды! Можно ли отправить письмо в Германию через какую-нибудь из нейтральных стран? Например, через фон Папена (посла Германии в Турции. – *Ред.*) в Анкаре? Я попытался сосредоточиться. Возможно, мне придется провести в плену годы, и все это время я буду сознавать, что моя мать до смерти беспокоится обо мне. Как долго может продлиться мое заключение? Я вспомнил, как в споре с нашим

доктором заметил: «Если мы не возьмем к началу зимы Сталинград и Баку, то мы обязательно проиграем эту войну».

Но, независимо от того, будет это победа или поражение, как долго все это продлится? Над этим вопросом я не слишком задумывался раньше. «Если вдруг наступит мир», – иногда шутили мы. Для некоторых особенно рьяных пилотов-истребителей эта перспектива была не слишком приятной. Проклятье! Сейчас для меня все стало совсем другим. Что готовит мне плен? Сколько уже наших пленных у русских? И есть ли они вообще? Где находятся лагеря военнопленных? В Сибири? Не постигнет ли нас судьба «армии за колючей проволокой» и на этот раз? Или теперь все будет по-другому? Я задавал себе вопрос за вопросом, но не находил ответов.

31 августа 1942 г.

Меня снова вызвали на допрос. Все происходило в помещении в грязном бараке с замусоренным полом. Посередине сидели две фигуры свирепого вида, как изображают коммунистов в карикатурах в «Фёлькишер беобахтер» (немецкая газета. Перевод названия «Народный обозреватель». В 1920–1945 гг. печатный орган НСДАП. Тираж достигал 1,7 млн экз. (в 1944 г.). С февраля 1923 г. до конца (последний номер 30 апреля 1945 г.) выходила ежедневно. – *Ред.*). Фуражки были сдвинуты далеко на затылки, растрепанные

волосы падали на лбы. Оба перекачивали сигареты из одного края рта в другой. Эти двое сплевывали прямо на пол шелуху семечек подсолнуха, пили водку, потрясали кулаками, потрясали пистолетами и дубинками, создавая при всем этом ужасный шум. Перекрикивая этот шум, они задавали мне вопросы. Когда я отказался назвать номер своей авиагруппы, они обрушились на меня с кулаками и били дубинками.

– Мы заставим тебя говорить, проклятая немецкая свинья!

Ту же фразу, только без определения «немецкая», мне довелось слышать от офицера гестапо в 1938 году, когда мне пришлось отвечать за то, что я руководил нелегальной молодежной группой. Правда, гестаповец добавлял еще: «Мы не станем больше нянчиться с тобой!»

Но похоже, этим двоим совсем не было нужды со мной нянчиться. С пленными здесь обращались как с закоренелыми преступниками. Отвечая на следующий вопрос, я постарался быть более осмотрительным и не отказываться напрямую давать показания. Я лгал, изворачивался, притворялся, что не понимаю вопросов. Таким образом, мне удалось выйти оттуда практически невредимым.

1 сентября 1942 г.

В сопровождении двух конвоиров меня вывезли из Сталинграда на пароме на другой берег Волги. В небольшой до-

лине, под кустами и деревьями, хорошо замаскированные, скрывались советские тыловые колонны. Вокруг меня собралась толпа солдат и офицеров, и снова посыпались вопросы, к которым я уже успел привыкнуть, где переплелись желание поболтать, ненависть, любопытство и добродушная общительность. Один из офицеров вдруг бросился на меня и схватил меня за ворот. Я не понял, что он сказал своим товарищам, но ответом стал взрыв смеха. Мои конвоиры пытались протестовать, но они ничего не могли поделать. Под пронзительные крики и громкий смех меня поволокли в лес и поставили перед деревом. Напротив построился десяток человек с пистолетами. Боже мой, они собираются расстрелять меня! Первой моей мыслью было, что никто никогда не узнает о моей смерти. Я не знал, с чем бороться в первую очередь: со слезами или с ужасающим приступом тошноты. От обморока меня удерживала лишь надежда на то, что они могут промахнуться. Послышались крики, команда, треск нажимаемых курков, а потом мир вокруг меня взорвался.

Когда я пришел в себя, я все еще стоял, прислонившись к дереву. Я ничего не слышал, но видел грубые широкие лица громко смеявшихся людей. Наконец после нескольких грубых шлепков и тычков я пришел в себя. Я упал на землю, меня вырвало, я зарыдал и никак не мог остановиться. Русские стояли вокруг, совсем растерянные. Каждый хотел чем-то помочь мне. Один из них принес мне воды, другой протянул кусочек дыни, третий предложил мне сигарету, но мне

ничего этого было не нужно. На меня навалилось чувство полного равнодушия. Я не мог даже ненавидеть этих людей.

Ближе к вечеру наш грузовик по понтонному мосту переправился через северный (левый. – *Ред.*) рукав Волги (Ахтубу) в поселок Средняя Ахтуба, над которым я много раз пролетал во время налетов с малых высот на близлежащий аэродром. Мы остановились на улице поселка, и один из моих сопровождающих исчез в здании, похожем на ферму. Он вернулся в сопровождении офицера, который принадлежал к ранее не известному мне в России типу: изящный молодой человек с тонкими чертами лица, чьи манеры и обмундирование делали честь и выпускнику военного колледжа где-нибудь на Западе, в отличие от большинства неряшливых русских (фронтовиков. – *Ред.*), с которыми мне пришлось иметь дело прежде. Этот человек говорил на немецком языке без акцента. Вежливо и корректно, почти дружелюбно он пригласил меня в дом. Комната, в которую он привел меня, была чистой. На столе стояла ваза с цветами. В комнате была аккуратно застеленная койка, еще один стол с бумагами на нем, два стула и портрет Ленина в рамке на стене.

Офицер раскрыл портсигар:

– Пожалуйста, угощайтесь. Вы ведь граф Айнзидель из 3-й авиагруппы истребительной эскадры «Удет», не так ли?

– Откуда вы знаете? – удивился я. – Я никому не упоминал о своей части.

– Ну, вы не первый офицер этой эскадры, с кем мне при-

ходится беседовать. Ваши потери в небе над Сталинградом довольно высоки.

– Все зависит от того, как их рассматривать, – парировал я, – на каждый свой потерянный самолет мы сбиваем шестьдесят ваших.

Это было преувеличением. Такое соотношение в нашу пользу было только в 1941 году. К зиме оно упало до одного к тридцати, а в последние четыре месяца, после того как мы снова появились на фронте, оно вновь поднялось до одного к сорока. (Даже в катастрофическом 1941 г. боевые потери советской авиации составили 10 300 самолетов (общие 17 900). Немцы за первые полгода войны потеряли 5100 самолетов. – *Ред.*)

Русский отрицательно покачал головой:

– Вы и сами себе не верите. Если это действительно так, тогда почему у вас так мало истребителей над Сталинградом? Ваши цифры некорректны. Вы не можете сравнивать потери своих истребителей с нашими потерями всех типов самолетов. Тогда вам тоже следует считать немецкие потери в бомбардировщиках, штурмовиках и транспортных самолетах.

Конечно, его доводы были справедливыми. Но почему я должен был соглашаться с этим?

– Итак, почему у вас, немцев, так мало истребителей в районе Сталинграда? – настаивал мой собеседник.

– Мало или много, – не думаете ли вы, что я стану снаб-

жать вас этой информацией?

– О, мне совсем не нужна от вас информация военного характера.

Он порылся в своих бумагах и зачитал мне номера частей и подразделений авиации в районе Сталинграда и назвал их примерный боевой состав. Всего чуть больше ста машин.

Он засмеялся:

– Сначала я не мог поверить этим цифрам. Но ваши пленные подтверждали эти данные снова и снова.

– Да, в отношении допроса пленных вы не щепетильны: ни перед чем не останавливаетесь, а ведь есть черта, которую переступать нельзя.

– Вас, должно быть, били? Да, такое случается. Но большинство ваших коллег настолько напуганы тем, что их просто расстреляют в спину, как это описывает Геббельс, что они рассказывают обо всем, даже не дожидаясь вопросов. И вообще вряд ли немцам стоит ссылаться на международные нормы.

Какое-то время офицер молчал.

– Мы обсудим это позже. Давайте вновь вернемся к цифре в сто истребителей. Это ведь мало, вы согласны со мной?

– Очевидно, этого достаточно, – ответил я, глядя в раскрытое окно, через которое доносился шум моторов, треск пулеметных очередей, раскаты выстрелов легких зенитных орудий – свидетельство того, что в сумеречном небе над Средней Ахтубой происходило очередное воздушное сраже-

ние. — Над нашими авиабазами в восьмидесяти — девяноста километрах от линии фронта такое не случается. Недавно примерно девяносто ваших самолетов направились на наш аэродром, им удалось пролететь за линией фронта всего около двадцати километров, и ни одна бомба не поразила цель. А вы потеряли сорок бомбардировщиков и истребителей.

Русский жестами приказал мне замолчать.

— Ваши донесения лгут, — заявил он.

— А в какой армии не лгут? — парировал я. — Но мне пришлось самому принять участие в том бою, и он был не единственным.

— Давайте не будем ссориться по этому поводу, просто ответьте мне на один вопрос: как вы считаете, Германия выигрывает эту войну? Подумайте над этим, и мы поговорим об этом завтра.

После этих слов я в сопровождении конвоиров был выведен из помещения.

В ту ночь моим пристанищем была разрушенная овчарня без крыши и дверей, всего четыре полуразрушенных закопченных стены на небольшом пятачке земли при полном отсутствии пола.

В степи сентябрьские ночи довольно холодны, но мне не позволяли даже двигаться, чтобы хоть как-то согреться. Как только я начинал шевелиться, охранники замахивались на меня прикладами винтовок. Я почувствовал, что меня

лихорадит. Кожа горела и чесалась, последствия укола от столбняка, который мне сделали после осколочного ранения. Прежде мне довелось провести на открытом воздухе сотни ночей, в том числе одну на северном фланге фронта в Писпале (в Южной Финляндии. — *Ред.*), при температуре 14 градусов по Фаренгейту (минус 10 по Цельсию) и пару недель в гористой Лапландии (на севере Финляндии), в мокрой одежде и одолеваемому полчищами комаров. Когда мне было одиннадцать лет, меня послали в поход на ночь за 20 километров через горный лес, без карты и фонаря, почти умиравшего от страха при звуке собственных шагов. Но все те ночи были просто раем в сравнении с этой.

Казалось, в меня проникал холод со всей Вселенной, поступающий прямо из неведомых далей черного небосвода, а звезды смотрели на меня строго и отчужденно. «Звездные небеса надо мной, а моральные нормы находятся внутри меня», — мои губы непроизвольно прошептали известную фразу Канта. Потом я уткнулся взглядом в звезды. Мои зубы стучали от холода, я с ума сходил от голода, тело горело, и болела каждая косточка. В голове лихорадочно проносились мысли. Что это был за молодой офицер? Он из тех людей, кого хотелось бы иметь в числе друзей. Много ли таких у Советов? Я на самом деле надеялся на продолжение нашей беседы. Но что я ему скажу? Разумеется, каждый солдат верит в свое дело и свою победу, это естественно. Или, по крайней мере, показывает это в беседе с противником. Большинство

моих товарищей верили искренне. А я? И если я в чем-то сомневался, стоило ли признаваться в этом? Может, русские подумают, что я просто пытаюсь переметнуться на сторону тех, за кем правда? Мне хотелось услышать, какие ответы на все эти вопросы даст мой новый знакомый, который, несомненно, принадлежал к советской элите. Сам я не знал, как на них ответить. К черту все уставы. Я попал в положение, которое невозможно было заранее предвидеть. Буду разговаривать так, как того потребует ситуация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.